

ми стаями. Между деревьями вновь промелькнула пятнистая шкура гепарда, но ничего «съедобного» не было видно. Очевидно, не высмотрели дичи и женщины. При появлении того или иного животного они определенным образом меняют тон своих криков, давая таким образом знать мужчинам, кого они загоняют. Сейчас женщины кричали однообразно «а-а-а» и чем-то стучали. С флангов, по обе стороны от сети, уже появились первые загонщицы. Было ясно, что охота не удалась. По знаку бородатого пигмея они прекратили крики и подошли к кустам. Только теперь я увидел приспособление, с помощью которого загонщицы оглашали лес резким, сухим стуком. Это были небольшие трещотки-калебасы, внутри которых, очевидно, были насыпаны семена или мелкие камни.

Начали сходитьсь и охотники. В дальнем левом отсеке сети, которого не было видно с моего места, запуталась небольшая антилопа, где-то еще — грациозная генетта⁵. Ее не ранили, а живой вынули из сетей и, связав ноги лианами, бросили на землю. Зверек жалобно скулил, смешно морщил нос и время от времени принимался кататься по земле, конвульсивно махая хвостом.

Мужчины о чем-то спорили, поглядывая в мою сторону. Я почувствовал, что кое-кто винит в неудачной охоте меня, ругая Аамили и Фежи, что они привели в лес белого.

Положение спасли женщины. Оказывается, они видели, что кабан, ради которого все пришли сюда, укрылся в заросшем кустами овражке у ручья, километрах в двух от нас, и сейчас предлагали повторить загон. На этот раз решили не растягиваться длинной дугой по лесу, а идти по берегам ручья, чтобы наверняка загнать животное в сеть. Вместе с женщинами пошли и мужчины, стоявшие раньше на флангах. Кабан строптив и, чувствуя опасность, может броситься не вперед, а в сторону, попытаться прорвать окружение. Тут уже речь шла о защите женщин.

Снова затрещали трещотки, снова закричали загонщицы: «Юу-юу-юу» неслось по лесу предупреждение о том, что кабан вышел из своего укрытия. Потом тон звука изменился, и довольный Фежи показал мне два растопыренных пальца. Но понял я значение этого жеста лишь тог-

да, когда увидел пару несшихся прямо на нас кабанов-бородавочников. Точно соблюдая законы аэродинамики, они бежали один за другим — самка за самцом, пригнув и одновременно вытянув морды.

Когда рядом с бородавочником есть поросята, взрослые бегают, забавно подняв хвосты; африканцы уверяют, что в густой траве такой торчащий перпендикулярно вверх хвост помогает им найти друг друга. Но сейчас они бежали с вытянутыми хвостами. Издали они были похожи на игрушечную ракету. Но по мере того как кабаны приближались, становились видны их рыла, увешанные наростами-бородавками и закрученные, словно усы, клыки. Злые маленькие глазки излучали бесстрашие и ненависть. Может быть, этот устрашающий облик, соединенный с отвагой, и позволяет бородавочникам иногда обращать в бегство своих извечных врагов — леопардов...

Но сейчас судьба животных была предрешена. В последний момент самец, правда, заметил западню и попытался свернуть. Но сила инерции была такова, что он не смог сделать этого и прочно запутался в сети. Самка стукнулась об него мордой и отскочила в сторону, но в тот же момент пущенное чьей-то меткой рукой копье пригвоздило ее к земле. Животное было еще в агонии, когда радостные крики мужчин, прыгавших и приплясывавших на залитой кровью земле, известили остальных, что охота окончена. Особенно гордился малодой Узинга. Он совсем недавно получил право участвовать в «большой охоте», и вот сегодня, да еще и на глазах у белого а его сеть попали сразу два кабана. И хотя заслуга его в общей удаче была не больше, чем у остальных, все считали, что именно Узинга «поймал двух кабанов». Ему принадлежало право вскрыть жертву и вытащить теплое, еще подергивающееся на ладони сердце. Вечером, у большого костра, кусочки сердца раздают всем односельчанам. И все будут считать, что Узинга поделился с ними не только добытым мясом, но и своим мужеством и отвагой.

А пока что пигмеи весело приплясывали и, стараясь перекрыть один другого, наперебой рассказывали еще не забытые перипетии сегодняшнего дня, спорили и смеялись. Женщины тут же, под присмотром Аамили и главного охотника, поделили мясо, роздали его всем участникам

(не забыв, кстати, и меня) и усадились отдохнуть. Кто-то притащил из тлешего меж кустов костра головешку и принялся разводить костер. Но быстрая, как и вчера, темнота, опустилась на лес сверху, давая понять, что костру не бывать. Ливень полил, и теперь уже было безразлично, стоять ли под деревом, от густой кроны которого не было сейчас никакого проку, идти ли в деревню, или лечь и лежать в мгновенно образовавшихся лужах. Повсюду была вода. Лес стал похож на гигантский аквариум.

Пигмеи не спеша покончили со своими делами, взвалили на плечи сети и мясо и отправились в путь. Я с нетерпением посматривал на часы, надеясь, что, как и вчера, дождь подчинится распорядку природы и вскоре прекратится. Но кончился он лишь на полдороге, а когда мы подходили к деревне, возобновился с новой силой.

Когда я наконец залез в машину, то понял, насколько наряд пигмеев лучше моего приспособлен к местным условиям. Они уже давно высохли у костров, отжав свои фартучки и повязки, а я все еще передевался и снова промокал в лужах, которые образовались на дне машины потоки с моего «цивилизованного» платья. Понятие «вымок» здесь не подходит. Я просто пробыл в воде четыре часа.

В деревне было темно, дождь загнал людей в хижины, и я потерял возможность посмотреть всех жителей в сборе, увидеть танцы, которыми всегда кончаются дни удачной охоты, и еще раз услышать их песни. Деревня притихла, и лишь изредка среди деревьев мелькали маленькие красные огоньки. Это кто-то из пигмеев нес из «семейного костра» головешку в свою хижину.

БОИ КУРОПАТОК

Каждую пятницу (у мусульман это праздничный день) во многих населенных пунктах Афганистана устраивают бои куропаток. Эти бои никогда не кончатся смертью птиц. Когда судьи приходят к выводу, что одна из птиц одерживает верх, бой прекращается.

⁵ Генетта — хищный зверек.

ДЕЙСТВЕННОСТЬ СЛОВА

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОЙ МАЛАЙЗИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В. БРАГИНСКИЙ

ВЕРА в действенную, созидательную и очищающую силу ритмического слова составляет самую сердцевину малайской поэтической традиции. Малайские заклинатели — паванги верили, что есть единственное верное слово, которое заставляет колоситься рис и привораживает возлюбленную, смыкает пасть тигра и открывает подземные клады, надувает ветром паруса малайских лодок и похищает душу врага.

Была и другая, праздничная сторона слова. Игра его скрытыми значениями, игра обиняками, иносказаниями, рифмами. Так возникали шуточные пантуны — импровизации-перебранки между юношами и девушками, взаимный обмен колкостями, взаимные насмешки, подзадоривание.

Поэтическое слово в двух его аспектах — действенном, изменяющем ход сегодняшнего и завтрашнего дня и игровом, разрывающем привычные отношения вещей и явлений, соединяющем их новыми ассоциативными связями, сопровождало малайца на протяжении всей его жизни. Часто эти два аспекта переплетались в одном произведении и всегда во всей малайской поэзии в целом.

Малайская поэзия знает, по сути дела, лишь один жанр — шаир, повествовательную поэму романтического, исторического или религиозно-дидактического характера, возникшую на рубеже XVI—XVII веков. Поэмы эти состоят из четверостиший, зарифмованных смежной четвертной рифмой. Строка шаира насчитывает обычно от 9 до 13 слогов и членится цезурой на симметричные полустихия.

Европейские ученые много и не всегда справедливо спорили о литературных достоинствах шаиров. Часто это непонимание вызывалось различием эстетических систем, не столько, скажем, английской и малайской, сколько, шире, — новоевропейской и средневековой, с ее специфической литературной обрядностью, условностью, преобладанием типичного над индивидуальным. Механическое использование готовых вневременных мерок никогда не приносило пользы литературу-

ведческому исследованию. Не последнюю роль играло и то, что шаир заметно деградировал в конце XIX — начале XX века, вырождаясь постепенно в удобную форму для газетного фельетона или легко запоминающуюся инструкцию для чиновников.

Между тем шло время, и «настоящий XX век» все яснее давал знать о себе в Малайе. Японская оккупация, борьба за независимость, чрезвычайное положение, введенное в 1948 году английскими колонизаторами, массовые аресты левых деятелей и наряду с этим разорение крестьян, уход в город, где им, заблудившимся на границе средневековья и XX века не находилось места, — новая действительность властно требовала нового слова.

6 августа 1950 года в Сингапуре было создано общество писателей «пятидесятников». Его главными органами стали журналы «Талисман» и «Вестник эпохи». Председателем общества был избран 29-летний Камалуддин Мухаммад (Крис Мас) — автор многочисленных острозлободневных рассказов.

С писателями «пятидесятниками» в литературу вошли темы антиколониальной и социальной борьбы, борьбы за мир и справедливое общество. Их героями были простые люди Малайи: обездоленные крестьяне, бастующие рабочие, мелкие чиновники. Литературу захлестнула волна социального протеста. «Искусство на службу общества!» — таков был основной лозунг «пятидесятников».

Вождями этого течения стали поэты С. Н. Масури (родился в Сингапуре в 1927 году) и Усман Аванг (в Кота-Тингги в 1928 году).

С. Н. Масури выступил реформатором малайского стиха. Он одним из первых отказался от традиционной шаирной формы, и дело здесь было не в слабости шаира как такового. Новое слово должно было обрести новую форму. Место шаира занял свободный стих (так называемый саджак), малоуспешные попытки ввести который делались еще в 30-е годы выпускниками учительского колледжа Султана Идриса. Канонизирован-

ный порядок рифм и строгое равновесие полустиший были заменены свободной рифмовкой и асимметричным членением строк, дающим возможность то замедлять, то ускорять ритмическое движение. Однако и ритм шаира не умер. Он вошел в новое, более сложное целое, обогащая его.

Малайские критики называют С. Н. Масури реалистом. Его герой рано взрослеет и начинает понимать, что причиной его страданий является «строй, никогда не знавший жалости, бросающий наземь слабого, лишающий его остатков сил».

Именно эта серьезность жизненной позиции и привлекла к поэту читателей и критиков, считающих, что в произведениях С. Н. Масури малайская поэзия обрела творческую зрелость, «спустилась с небес на землю».

Одна из основных тем произведений С. Н. Масури — патриотическая тема. Масури пишет о любви к родине и о ненависти к войне, он призывает к миру, искренности, гармонии. В его стихах звучит страх перед разрушением культуры и восхищение простыми тружениками — творцами ее. Важную роль в творчестве поэта играет философская лирика: раздумья о человеческой личности, о роли поэта и назначении поэзии.

По кругу тем близки к произведениям С. Н. Масури стихи его соратника по направлению — Усмана Аванга. В то же время они отличаются большей эмоциональностью, романтическим взглядом на мир. Все его произведения объединяет искренний гуманизм, человеческая теплота и сострадание к маленькому человеку — герою его стихов, рассказов и драм.

Время в малайской поэзии уплотнилось. Вчера еще в ней безраздельно господствовали традиционные формы, неслыханным новаторством казалось обращение к свободному стиху, к гражданской тематике, а сегодня свободный стих наряду с новеллой стал наиболее распространенным жанром.

Нельзя не заметить, что слишком часто в малайзийских газетах и журналах появляются слабые, любительские опусы, но нельзя не заметить и другого — поэзия начинает занимать в жизни малайзийцев то подобающее ей место, которое занимала она некогда в малайском фольклоре.

Гражданственная лирика «пятидесятников», их свободный стих расчистили пути для новой поэзии. Однако уже следующее поколение поэтов не могло удовлетвориться известной декларативностью творчества предшественников, спешивших сказать очень многое и пренебрегавших порой важнейшими требованиями мастерства.

Молодые поэты, как и молодые прозаики, стремились к тому, чтобы читатель сам, без привычной подсказки и прописи, научился ориентироваться в создаваемом ими мире. Они творили этот мир не по известным наперед рецептам, а веря в свое образное видение, талант и писательскую совесть.

Симптоматичные перемены наметились в среде поэтов, идейно связанных с традициями «пятидесятников». Особенно заметны они в творчестве А. Самада Саида, нашедшего яркую символическую форму для выражения своих политических и социально-критических идей, придавшего им общечеловеческое звучание.

В стихотворении «Бешенство в огне» в образе возлюбленной поэта перед читателем предстает истерзанная войной Малайя. Вместе с поэтом вглядывается она в «пурпурное письмо» —

символ смерти и разрушения, стараясь узнать, что же ожидает их в этом мире. Поэт не может ответить на вопрос возлюбленной, он готов отчаяться, но в сердце его живет ненависть к войне и тем, кто наживается на ней. «Бешенство в огне» — одно из лучших антивоенных произведений в малайской литературе.

Нежным и полным сочувствия становится голос поэта в небольшом цикле «Под мерцающими звездами». Сюжет цикла прост: поэт получил письмо от молодой девушки-служанки, изверившейся в жизни, друзьях, семье, ищущей одиночества. Он старается утешить девушку, внушить ей надежду. Он готов разделить ее боль и страдания.

Значительный интерес представляет творчество группы молодых, возглавляемой С. И. Нуром (родился в 1933 году) и получившей в малайзийском литературоведении название «темных», или «трудных», поэтов. В эту группу входят А. С. Амин (родился в 1929 году), М. С. Яхья (в 1939 году) и ряд других поэтов.

«Темных» поэтов часто обвиняли в отказе от серьезных, важных для малайзийского общества тем, в уходе в герметический мир узколичных переживаний. Однако это едва ли справедливо. Так, М. С. Яхья опубликовал в 1964 году талантливую поэму «Возвращение рыбака», в которой рассказал о жизни рыбацкой деревушки, о тяжелом труде ее обитателей, их вечной заботе о хлебе насущном, зависимости от переменчивой стихии. С. И. Нур обращается к таким темам, как вдохновение, внутренний мир поэта, отношения Востока и Запада, борьба народов Азии и Африки за прекращение войн на земле.

Читая А. С. Амина, С. И. Нура, М. С. Яхью, часто вспоминаешь о второй — игровой стороне малайской поэзии, как будто бы случайном, как будто бы чисто звуковым сближении слов, которое вдруг открывает в них новые значения, разрушая привычные связи явлений, утверждает новое, более глубокое понимание.

Древняя традиция действенного слова, переосмысленная под влиянием тех перемен, которые принес XX век, но сохранившая свои важнейшие черты, и сегодня жива в малайзийской поэзии.

МАЛАЙСКИЕ И ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*

Будто месяц на колени упал.
(О неожиданном счастье.)

*

В нос целует, а в щеку кусает.
(О лицемере.)

*

Голубя на голубя ловят.

*

**Идти вперед — пушки не пускают,
бежать назад — чин не позволяет.**

СЛИ вы будете в Африке и попадете в лесную чащу, то с макушки высокого дерева к вам спустится золотой паук. Что ему от вас нужно?

...Случилось это давным-давно. Паука тогда никто не замечал: ведь он был просто букашкой и скрывался в чаще леса от всех, кто был больше или сильнее его.

Однажды, когда Паук по обыкновению горько сетовал на свою судьбу, показался блестящий кортеж волшебницы Лазурного леса. Паук был ослеплен пышным шествием доброй колдуньи. Только раз в десять лет могла она совершать чудеса, и это был как раз такой день.

— Что сделать для тебя?— спросила волшебница Паука.— К чему ты стремишься?

— Ни к чему...

— Ты только жалуешься, а ничего не просишь?

— Это так,— вздохнул Паук.

— Тогда я сама дам тебе все, что только можно пожелать. Но смотри! Ты не должен раздавить ни одного светлячка.

Паук едва успел опомниться от неожиданности, как из-под земли выросли мраморные дворцы. Они были богато украшены золотом и жемчугом. Вспыхивали вправленные в яшму алмазы. Сверкали кровавые рубины, нефрит, бирюза. Тысячи чудесных цветов наполняли сады.

Это был не город, даже не королевство, это была целая империя!

Но богатство и власть че принесли Пауку счастья. Империю надо было расширять, пришлось объявить войну всем соседям. В течение долгих, долгих лет то на запад, то на восток посылал правитель армию за армией. Подданные платили кровавый налог (в их же собственных интересах, как говорил император). Паук разорял города, ссылал мятежных королей, всех, кто помышлял противостоять ему.

Дух самодовольства витал над столицей, заглушая жалобы народа, который не восхищался болезнью своим властелином.

По всей земле рассылал император грозных гонцов, и напуганные короли спешили примкнуть к нему. Приверженцы предыдущего режима — советники, послы, дипломаты и генералы — осаждали трон Паука в ожидании мило-

Бернар Буа Дадье — выдающийся современный поэт, прозаик, фольклорист и общественный деятель Берега Слоновой Кости.

ЦАРСТВО- ВАННЕ ПАУКА

БЕРНАР Б. ДАДЬЕ

стей. Разве не составляют они особую касту кормящихся от щедрот всех правителей и переживающих любое из них? Привычные к политическим передерягам, они выходят из них, не потеряв ни волоска.

Хор льстецов не умолкал: «Великий! Могущественный! Непобедимый!».

Паук и вправду стал считать себя единственным двигателем вселенной. Без него не существовала бы земля! Без него померк бы свет! Ни люди, ни животные не узнали бы счастья! Без него..

Император, надо отдать ему должное, запретил дошедший и до наших дней обычай употреблять в пищу мясо. Повинуясь его приказу, хищники стали травоядными. Паучата безнаказанно дергали за усы львов: ведь львы были свергнутой династией.

Тон во всем задавал Паук. В подражание ему устанавливались моды на мысли и одежду. Он был вне критики.

Прошло десять, десять и еще раз десять лет, и двадцать пять из них составили годы убийства

и резни, изнурительного труда, непомерных податей, оскорблений и жажды мести. Случаи неповиновения участились, и придворные старались превзойти один другого, заглушая своей лестью ропот народа. Празднества следовали за празднествами, как будто больше и думать было не о чем.

И вот Заяц, всем известный хитрец, обратил внимание на отсутствие светлячков в резиденции императора и раскрыл тайну могущества Паука. Император допустил оплошность, запретив светлякам доступ в столицу, и этим выдал себя.

Голод охватил всю империю, но в мире придворных все так же бесконечным потоком проходили пиры и оргии... Оспа опустошила страну. Она унесла отца, мать и брата Зайца и оставила отметины на его мордочке.

Народ вымирал, а во дворце бал гремел за балом, и Паук опять набирал солдат для новых походов.

Партия недовольных решила действовать. К Зайцу явились ее посланцы.

— О Заяц,— начали они,— наше несчастье бесконечно!

— Наконец-то,— фыркнул тот,— власть этого маскарадного короля и вам становится невыносимой!

— Мы избрали героический путь: мы убьем его.

— Ну-ну, нечего сказать, героическое решение.

— Что ты думаешь по этому поводу?

— О, все очень просто. Я следил за императором и узнал секрет его власти: убить Паука нельзя.

— Почему?

— Только он, сам того не желая может положить конец своему могуществу.

— У тебя есть кто-нибудь свой среди его слуг?

— Там много наших. Вы можете достать мне светлячков?

— В любой момент. Мы знаем, где живет семья этих многоножек.

— Отлично... Пусть их разбросают по всему дворцу. Это единственное верное средство против деспотизма, которое открыли еще древние.

— Свет? Много света?

— Да. Свет везде!

В тот же вечер Паук подскочил от неожиданности, увидев, что стены дворца кишмя кишат зловонными насекомыми. Торопясь покинуть место, ставшее отныне опасным, он неосторожно наступил на светлячка. Это был конец.